

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

КРАСНЫЕ
ЖЕМЧУГА

Борис Васильев

Красные жемчуга

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Васильев Б.

Красные жемчуга / Б. Васильев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Красные жемчуга» - книга-размышление о праведности жизни. Не все было так однозначно для людей конца двадцатых годов и тех, кто живет ныне. Каждое поколение по-новому осмысливает жизнь и строит ее зачастую без оглядки на старшее поколение. Можно ли отказаться от своей матери, забыть предков, порвать со своим прошлым? Отказ от родителей – один из самых страшных грехов. И здесь без всеобщего покаяния вряд ли можно обойтись. Но оно не происходит...

© Васильев Б.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Борис Васильев

Красные жемчуга

«Грешно живешь, мать, грешно!.. – сердито кричал муж. – Ты на нас глянь, на нас!..»

Он сидел за столом, но не с торца, не в красном углу, а спиной к окну, и сыновья строго молчали по обе его стороны. Все трое были в гимнастерках, с провальными, невидящими глазами, и рот у отца тоже был черным, провальным, без губ и без языка и открывался будто совсем не для тех слов, которые она слышала.

«Грешно живешь!..»

«Да не то ведь, не то сказать-то хочешь, – шептала она, давясь слезами от тоски и жалости. – Ты землю, землю изо рта-то выплюнь, отец, выплюнь, тогда и скажется заветное. А вы, сыночки, вы чего молчите? Вы отцу помогите, помогите ему. Гриша, Шурка, что же вы-то молчите, что?... Ай, да вам ведь тоже рты землею забило. Сырою землею могильною... Сыночки вы мои, помогла бы, да где искать-то вас? В каких странах, каких государствах?...»

– И-и-и!..

Вскинулась старуха, ломая тонкий предутренний сон. Пропали муж, сыновья, проваль-ные пустые глазницы, провальные пустые рты. А визг остался.

– И-и-и!..

Каждое утро будили ее этим истошным воплем три раскормленных заматерелых борова. Будили еще до того, как она начинала видеть сны, а сегодня то ли родные привиделись раньше, то ли свиньи запоздали и теперь наверстывали, голосили на все выселки, на все их Красные Жемчуга. И старуха, кое-как накинув юбку и лица не сполоснув, босиком пошлепала в сени, где стоял бак с приготовленным пойлом. А опомнилась, только когда свиньи с довольным урчаньем и чавканьем начали жрать, отпихивая друг друга крутыми, налитыми салом и силой боками.

Третий раз снились ей муж и сыновья, сгинувшие на бесчисленных фронтах войны: отец – в сорок втором под Семилуками, а Гриша и Шурка, братья-погодки, один за другим – в сорок пятом в чужих краях за тридевять земель. Всю жизнь снились урывками и порознь, а тут – вместе, и когда это случилось впервой, старуха очень обрадовалась, а второй – запечалилась и всплакнула во сне. Но сегодня дорогой этот сон, это чудом даренное ей свидание с родными не принесло ни радости, ни светлой печали, а принесло тревогу, которая уж и не оставляла ее. И, невидяще глядя на жрущих свиней, не чувствуя ни утренней свежести, ни холода, старуха долго стояла у закута, ощущая смущенной душой непонятное беспокойство. «Господи, да почему грешно-то живу, почему? – почти с отчаянием думалось ей о так ясно услышанных во сне словах мужа. – Да в чем грех-то мой, отец, в чем?...»

Бесконечно задавая то себе, то покойному мужу этот тревоживший ее вопрос, старуха вернулась в избу, умылась, оделась, положила из чугуна в миску холодной картошки, достала хлеб, лук и соль и села к столу. Она уже давно – с той поры, как младшая дочь Светлана вышла замуж и уехала в город, – ничего себе не готовила. Чистила варенную в мундире картошку, макала в соль, закусывала луком и хлебом, долго, старательно жевала уцелевшими зубами, а в голове неотвязно стучало: «За что же он упрекнул-то меня, в чем грех-то увидел? Ведь жили-то как, господи! Никакой бабе такое счастье и не снилось, как мы жили...»

В двадцать шестом, что ли... Да, в двадцать шестом – Шурка маленький был, грудной – еще колхозов никаких нигде не существовало, еще и слова-то такого никто не знал, а ее муж, бывший красноармеец и член партии большевиков, сам предложил организовать коммуну, чтобы все было общим. Собрал бедноту, демобилизованных бойцов, сочувствующих и понимающих, провел митинг, но село было большим и богатым и не приняло этого, а город еще ничем и никак не мог помочь, и решили тогда они, первые коммунары, выселиться, уйти

и от старого мира, и из старого мира. И отселились с красным флагом и гармошкой, отстроились на взгорье у речной излучины, и дома у всех были одинаково новыми и одинаково радостными, потому что строили их сообща, дружно строили, всей коммуной, со щами из общего котла. А как отстроили последний дом, объявили праздник, которого давно, ох, как давно ждали и желали, и назвали этот свой первый праздник, что случился у них через два года после отселения. Днем Красных Крестин нового поселка. И начали с красного флага, гармошки и митинга: как назвать? Каждый свое предлагал: кто – революционное, кто – привычное, кто – ласковое, кто – с шуточкой, а потом поднялся ее муж, первый председатель их коммуны, и сказал:

– В гражданскую войну, в двадцатом годе, наш геройский крестьянский полк поймал вредного попа, который бежать наострился с награбленным народным добром. Три сундука при нем было, и как открыли мы один, так будто ослепли: одежды там лежали церковные, и все сплошь в камнях такой красоты, какая простому люду и во сне не приснится. И играли те камешки, ровно как наше светлое будущее, почему и предлагаю категорически назвать наши выселки – Жемчуга. А чтоб ясно всем было, что не поповские то жемчуга, а нарядное будущее наше, то добавить обязательное слово «красные». Красные Жемчуга – вот как назовем мы свои новые выселки, чтоб дети и внуки наши жили в денечках радостных и праздничных, как те камешки-жемчуга!

Так и назвали: Красные Жемчуга. И везде-везде – во всех бумагах и картах и на почте так называлось, и приезжающие всегда радостно удивлялись, что такой у них поселок, где каждый дом, как у соседа: жемчуг к жемчугу.

Старуха... да какая она тогда была старуха: не старуха, а молодуха!.. с двумя малыми здесь жизнь начинала, с Гришей и Шуркой, а потом еще двух девок родила – Полю и Свету. Тесно стало в доме: шутка ли – четверо детей, да и сами не стары еще, не запечные тараканы! – но в сороковом году муж первым в районе большой орден получил за бессменную свою председательскую работу, за бойкие дни да бессонные ночи, и местные власти заодно с колхозом решили за этот труд отстроить ему новый дом. И отстроили, и в субботу новоселье закатили на всю округу – сам секретарь райкома приезжал и речь говорил! – а в воскресенье война началась. Мужья ушли первыми, за ними сыновья потянулись, а там и доченьки, если возраст подходил. Уходили люди, а приходили похоронки; вой стоял над Красными Жемчугами денно и ночью, и самой горькой была тогда должность почтальона: Полюшка ее чужим горем опилась, да и своегохватило. Потускнели их Жемчуга.

– Договорились мы с властями, что будет у нас в наших Красных Жемчугах своя советская лавка, – говорил в День Красных Крестин муж на общем митинге. – Будут привозить нам всякие нужные товары, но давайте, дорогие товарищи, дорогие мои братья и сестры, твердо решим, что водки никогда у нас не будет. Царская это отравка, продукт разложения, товарищи коммунары, и пускай ее буржуи пьют! А у нас что ни день, то праздник, зачем же нам водка? Водка тому нужна, у кого праздников нет!

Как же он тогда правильно сказал, муж-то ее: у кого праздник, тому водка не нужна. А в войну не стало праздников, и потекли слезы да водочка, водка да слезоньки.

А Полюшка в сорок шестом померла, и восемнадцати не исполнилось. На чужом да своем горе, на общем да своем труде все жилочки надорвала и зачахла, как цветок. И от всей семьи в четверо детей при отце с матерью оставила война ее да Светку. Мать и дочь.

Господи, откуда же тоска эта да тревога?...

Светка умной росла, старательной: лучше всех школу закончила, и колхоз – это при тогдашней-то нищете! – на свой кошт послал ее в райцентр доучиваться до среднего образования. За питание и жилье деньги переводил и даже два раза в год школьной формой вроде как премировал. И за личные успехи, и за сиротство, и за труды и заслуги ее отца, основателя Красных Жемчугов и бессменного – до самой войны – председателя их колхоза. И хоть

многое уже изменилось, и хоть не осталось ни одной семьи, какую бы война не перепахала, а помнили его, уважали и чтили, и на дочь это уважение падало. И Света все понимала, очень старалась, закончила свое образование и вышла замуж в райцентре. А через четыре года мужа в область перевели, и она туда перебралась, навсегда отрезав и родной колхоз, и отцовскую память, и материнскую старость.

А может, из-за Светки муж и говорил ей: грешно, мол, живешь?... Ах, кабы понять его, безъязыко кричащего ртом, землей забитым, ах, кабы понять... Терзала себя старуха, тыркалась но огромной, пустой, гулкой избе своей, места в ней не находя. И маета в душе давила, и тоска ее грызла, и мысль, одна мысль изводила: в чем грешна-то, в чем, господи?... А ведь грешна, коли покойники покою не знают и из братских могил ночами встают, сквозь другие тела продираясь.

Думая о словах мужа, так ясно услышанных ею, и о непонятном грехе своем, в котором он ее обвинял, старуха пыталась что-то делать, чем-то заняться, но все сегодня валилось у нее из рук. Только привычное, не требовавшее как бы и самого присутствия ее, а лишь проросших в памяти движений, было ей доступно: она варила картошку для свиней и для себя, рубила сечкой лебеду с крапивой, запаривала пойло в печи – и все, как машина, будто и не она это, и все с тревожной думой: какого же откровения, какого покаяния требовал от нее муж, убитый полвека назад под Семилуками? Мысли эти терзали ее, не отпуская ни на секунду, не давая отдыха, звеня в ней натянутой струной, изматывая и изматывая. «Господи! – в отчаянии простонала она. – Хоть ты подскажи, в чем грех-то мой, господи!..» И вдруг затихло все в душе ее, замерло в ясном, напряженном ожидании, и она поняла, отчетливо поняла, пронзительно и просто, что ей необходима молитва. Все равно кому – богу ли, святому ли какому, чудотворцу или божьей матери, а только надо, надо не для чуда, а для себя, для своего спокойствия и света совести своей.

Господи, да как же просто все оказалось! Она впервые несмело улыбнулась, впервые присела, впервые оглянулась и увидела, что на улице ясно и солнечно и что гроздь у рябины, которую посадили под окном Гриша и Шурка, давно уже налиты краснотой, а лист пожух и свернулся. Все она увидела и все постигла – прозрачную ясность и тишину осени, вечный покой мира и собственную суетность, шорох пожухлой листвы и свое уходящее время. И еще то, что давно не молилась, с юности, с цвета своего, и что позабыла уже все молитвы. «Это ничего, ничего, – спокойно думалось ей. – Это пустяк, я ведь от чистого сердца, от совести своей, а значит, поймут, если даже и не по правилам. Вот встану на колени и...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.